

© 1996 г.

Л.Я. ГУРЕВИЧ

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГРАЖДАН КАЗАХСТАНА

*ГУРЕВИЧ Леонид Яковлевич - доктор исторических наук, директор Института Гиллера
(Независимый Институт изучения общественного мнения, г. Алма-Ата).*

В 1995 г. казахстанцы трижды имели возможность реализовать свое избирательное право. Два референдума (о продлении полномочий президента Назарбаева до 2000 г. и по принятию новой Конституции) и парламентские выборы создали в республике обстановку на редкость благоприятную для изучения электорального поведения граждан.

По заказу Международного фонда избирательных систем, Институт Гиллера провел исследование на базе 1 500 личных интервью по общенациональной репрезентативной выборке респондентов старше 18 лет в 108 точках опроса.

Исследование охватывало широкий круг вопросов, относящихся как к непосредственным проявлениям электорального поведения, так и к факторам, его формирующим.

Особенности избирательной системы Казахстана

Избирательная система Казахстана отразила специфику избранной республиканской модели экономико-политического развития. Последняя весьма противоречива. С одной стороны, выделяющаяся на фоне других постсоветских государств последовательность в осуществлении рыночного курса, реальные политические свободы, влиятельная независимая пресса, с другой - сохранившиеся позиции старой номенклатуры, усилившийся, особенно в последнее время, авторитарный крен в развитии политических институтов, отсутствие сколько-нибудь влиятельной оппозиции.

Для правильного понимания действующего в Казахстане электорального механизма необходимо иметь в виду три важнейшие характеристики политической системы республики:

1. Полномочия законодательных и представительных учреждений крайне ограничены в пользу исполнительной, а особенно - президентской власти¹.

2. Ни одну из существующих партий нельзя считать правящей. Скорее все партии можно разделить по степени аппаратного контроля над ними - от чисто аппаратных, руководители которых избираются лишь формально, а фактически - назначаются как обычные чиновники, до существующих вне аппаратного контроля, которые условно можно считать оппозиционными.

3. Партии и движения не имеют реального влияния на политическую жизнь. Борьба за власть в Казахстане, безусловно, идет, но борющиеся группировки ни в коей мере не совпадают с действующими политическими партиями.

Подобной модели адекватна мажоритарная избирательная система с процедурой выборов, формально соответствующей универсальным демократическим нормам, но практически лишенной реальной политической конкуренции и общественного контроля.

Факторы, формирующие электоральное поведение

В исследовании сделана попытка определить влияние на электоральное поведение казахстанцев таких факторов, как: удовлетворенность положением дел в стране, отношение к соответствующим институтам власти, восприятие универсальных демократических норм и ценностей, оценка собственных возможностей воздействия на власть путем выборов.

Общую оценку респондентами ситуации в стране вполне можно характеризовать как массовое недовольство: 31,1% опрошенных - совсем, а 47% - скорее недовольны существующим положением дел в Казахстане. При этом русские заметно больше недовольны (47% "скорее недовольных" и 38% "совсем недовольных" при полном отсутствии "очень удовлетворенных" и всего 13% "скорее удовлетворенных", нежели казахи, у которых доля "совсем недовольных" на 20% меньше, а "скорее удовлетворенных" - вдвое выше, чем у русских. Показательно, что полюс недовольства смещается в регионы с преобладанием этнических русских - северный и восточный, и в небольшие города, где сейчас наиболее остры проблемы, вызванные спадом производства.

Что касается возрастных различий, то кривая недовольности делает резкий рывок в группах респондентов старше 40 лет.

Социальное самочувствие респондентов несколько улучшается от сознания достигнутой в республике межэтнической стабильности, очень высоко ценимой казахстанцами. Более $\frac{2}{3}$ опрошенных надеются на ее долговременный характер, и только 22% опасаются негативных изменений в этническом климате республики.

¹ Президент, по Конституции Казахстана, олицетворяет не исполнительную власть, а стоит над всеми ветвями власти, обеспечивая их согласованное функционирование и ответственность перед народом.

Однако кластерный и дискриминантный анализ показали, что в городах сильное чувство тревожности по поводу возможной дестабилизации межэтнических отношений.

Ожидания негативных изменений в этнической сфере значительно чаще появляются у русских, 30% которых считают, что межэтническая стабильность будет существовать непродолжительное время и скоро сменится нестабильностью, чем у казахов, среди которых аналогичные ожидания обнаруживают лишь 11%. Прослеживается некоторая связь между недовольством положением дел в стране и избирательной активностью казахстанцев. Из тех, кто удовлетворен ситуацией в республике, голосовали на выборах в Верховный Совет в марте 1994 г. более 80% опрошенных; из тех, кто не удовлетворен - менее 60%.

В то же время на выбор гражданами Казахстана того или иного кандидата степень удовлетворенности или неудовлетворенности ситуацией в стране практически повлиять не может, поскольку в республике нет влиятельной оппозиции.

Отношение к структурам власти довольно противоречиво. Весьма высокий рейтинг президента Назарбаева (80,5% полностью и скорее одобряющих его деятельности) явно диссонирует с неверием более чем 40% респондентов в возможности нынешнего руководства республики добиться улучшения жизни.

При этом у нас нет оснований полагать, что президента не отождествляют с руководством республики. Лишь раз подтверждается, что харизма Назарбаева включает в себя прежде всего его способность к поддержанию стабильности, а не к улучшению ситуации. Иными словами, казахстанцы за президента не потому, что с ним хорошо, а потому, что без него может стать еще хуже.

Для казахстанского массового сознания характерна недооценка роли законодательных и представительных учреждений.

Только немногим более $\frac{1}{5}$ респондентов не одобрили роспуск президентом в марте 1995 г. Верховного Совета, объявленного Конституционным судом республики нелигитимным. 22,1% прямо заявили о безразличии к прекращению деятельности высшего законодательного органа.

Любопытно, что роспуск Верховного Совета респонденты, довольные существующим в республике положением, поддержали в большей мере, нежели недовольные. Из тех, кто очень удовлетворен положением дел в Казахстане, одобрили роспуск ВС 59%, из тех, кто скорее удовлетворен - 53%, из тех, кто скорее неудовлетворен - 45%, и из тех, кто совсем неудовлетворен - 32%. Не исключено, что здесь мы наблюдаем предпосылки к формированию "российского синдрома": законодательная власть становится знаменем оппозиционных настроений.

Весьма показательно также, что на момент опроса, когда прошло уже более трех месяцев после прекращения деятельности парламента, 37% респондентов не знали, что Верховный Совет распущен.

Опрос показал, что у довольно значительной части казахстанцев сложилось сегодня понимание демократии, вполне соответствующее современным стандартам (таблица).

Что означает для Вас жить в демократическом государстве

Варианты ответов	%
Соблюдение прав человека, уважение к личности	29,1
Гражданские свободы	18,4
Правовое государство	18,3
Государство, где народу живется хорошо	7,7
Равенство всех граждан	4,9
Высокий уровень жизни	4,1
Уверенность в завтрашнем дне	3,5
Жить в мире и согласии	1,7
Чтобы было как раньше, до перестройки	0,7
Отсутствие коррупции	0,5
Иное	1,2

Как видим, почти $\frac{2}{3}$ опрошенных ассоциируют с демократией права и достоинства личности, гражданские свободы и правовое государство. Понимание демократии в силуго советском духе, т.е. как уверенность в завтрашнем дне, высокий материальный уровень жизни, характерно для небольшого числа респондентов.

Наиболее близки к современному пониманию демократии жители городов с населением свыше 500 тыс. человек. Здесь 41% опрошенных видят в демократии уважение к личности, правам человека и 47% - правовое государство и гражданские свободы. Только 17% респондентов в этих городах не смогли выразить своего понимания демократии или дали ответы не по существу. В больших же городах, рабочих поселках и селах затруднившихся ответить и давших ответ не по существу оказалось около 40% (в целом по массиву - 31,6%).

Четко просматриваются в понимании демократии различия в возрасте и уровне образования. Молодежь более охотно берется судить о демократических принципах. Только $\frac{1}{4}$ респондентов не смогли ответить на вопросы в группах до 30 лет, в то время как в группах от 50 до 69 лет - более 40%, а в группах 70 лет и старше - свыше половины.

Казахстан 41,3% опрошенных считают демократическим государством. Противоположной точки зрения придерживаются 35,7%.

Интересно, что оценивающие Казахстан как демократическое государство, в большей мере, чем те, кто придерживается противоположной точки зрения, согласны на ограничение демократических прав и свобод (соответственно 46% и 37% полностью или скорее согласны и 47% и 58% полностью и скорее не согласны). Демократически мыслящие граждане, как видим, более требовательно оценивают достигнутый уровень демократии.

Довольно симптоматичные результаты мы получаем из анализа ответов на вопрос "Какая страна более демократична: Россия или Казахстан?"

Если респонденты-казахи примерно одинаково оценивают уровень демократичности обоих государств (20% считают более демократичной Россию, 23% - Казахстан, 21% - ни ту, ни другую не считают демократичной, 23% - и Россию, и Казахстан демократичными в равной степени), то респонденты-русские, будучи, в общем-то, невысокого мнения об уровне развития демократии в России (только 29% считают Россию более демократичной, чем Казахстан, 34% рассматривают оба государства как недемократические), обнаруживают особо негативное отношение к демократии в Казахстане (только 9% считают казахстанское государство более демократичным, чем российское). Подобные ответы - свидетельство определенного гражданского дискомфорта, испытываемого русскими в Казахстане.

В качестве индикатора для измерения уровня демократичности казахстанского массового сознания мы использовали готовность граждан "обменять" гражданские права и свободы на установление порядка в стране. Оказалось, что если в опросе, проведенном Институтом Гиллера в сентябре 1994 г., 63,6% респондентов высказались за то, чтобы сильный лидер ради наведения порядка ограничил демократические права и свободы, то сегодня сторонников ограничения прав и свобод в обмен на наведение порядка оказалось меньшинство (39,9% полностью или скорее согласных с этим). Еще меньше сторонников диктатуры (33,8%).

Однако данные результаты не следует воспринимать с излишним оптимизмом. Антидемократическим настроениям прямо подвержено около 40% опрошенных, представляющих довольно широкие социальные слои.

Программа распознавания образов выявила, что "диктаторские" настроения являются характерным признаком людей преклонного возраста, с низким уровнем образования. С помощью методов факторного анализа удалось также установить, что сторонниками диктатуры являются практически все респонденты, симпатизирующие Коммунистической партии. Это полностью опровергает декларации современных коммунистов о приверженности плюрализму в экономике и политике.

С надеждой ожидают диктатуры наиболее бедные слои (те, кому не хватает денег на приобретение основных продуктов питания). Показательно, что для этой группы одновременно характерно стремление к защите культуры от иностранного влияния, сдерживанию иностранных инвестиций, ограничению количества и деятельности политических партий.

В то же время по некоторым аспектам мотивация настроений в пользу диктатуры оказалась далека от господствующих стереотипов. Принято полагать, что основной социальной базой потенциальной замены демократических режимов на диктаторские являются люди, недовольные жизнью в стране. Это многократно подтверждено историей, это ныне прослеживается в России.

В Казахстане, однако, тенденция иная. Среди тех, кто очень удовлетворен существующим в стране положением, согласны на ограничение демократических прав и свобод 81%, на диктатуру - 45%. Среди скорее удовлетворенных - соответственно 49% и 31%. В то же время среди скорее неудовлетворенных сторонников ограничения демократии - 35%, а сторонников диктатуры - 30%, среди совсем неудовлетворенных - соответственно 38% и 42%. Как видим, уровень социальной неудовлетворенности отнюдь не выступает фактором, обостряющим тягу к "сильной руке".

Не прослеживается жесткой зависимости и между удовлетворенностью уровнем жизни и "диктаторскими настроениями".

Когда же мы переходим к переменным, характеризующим политическое самосознание респондентов, то выясняется, что именно граждане, довольные существующим политическим строем, склонны и к ограничению демократии, вплоть до введения диктатуры. Так, из вполне удовлетворенных уровнем политических и гражданских свобод в Казахстане согласны с ограничением этих прав и свобод 47%, из скорее удовлетворенных - 44%, в то время как из скорее неудовлетворенных - 36%, из совсем неудовлетворенных - 37%.

Примерно та же зависимость прослеживается и в том случае, когда в качестве переменной берется уровень удовлетворенности соблюдением прав человека.

На ограничение прав и свобод в большей степени готовы те, кто сегодня удовлетворен избирательной системой, возможностью воздействовать на власть, в большей степени убежден, что путем выборов в Казахстане можно повлиять на верха.

Исключительно интересен результат, полученный методом регрессионного анализа: в ответах респондентов одобрение деятельности президента Назарбаева в весьма значительной степени совпадает с согласием на ограничение демократии.

Таким образом, недовольство экономической ситуацией не катализирует у казахстанцев тяги к сильной руке (исключение составляют самые бедные слои). В то же время удовлетворенность достигнутым уровнем демократического развития находится в прямой зависимости с готовностью к ограничению демократии. Базу для авторитаристских тенденций составляют, преимущественно, не "политические маргиналы", а вполне лояльные граждане.

И если в России под ограничением прав и свобод или установлением диктатуры была бы понята замена "неоправдавшей себя" власти демократов "сильной рукой", то в Казахстане ограничение демократических прав и свобод воспринимается, скорее, как укрепление существующего политического режима.

Типичный носитель антидемократических настроений сегодня - это житель села или малого города, пожилого возраста, нередко подверженный ксенофобии. В некоторой части сторонники ограничения и отмены демократических прав рекрутируются из наиболее обездоленных слоев, но в конечном итоге их оказывается больше среди тех, кто доволен существующим политическим устройством, участвует в выборах и референдумах и поддерживает президента.

Из тех, кто не голосовал на выборах в Верховный Совет, $\frac{2}{3}$ не приемлют ограничение демократии. Среди же тех, кто участвовал в выборах, таковых менее половины.

Этим объясняется та довольно интересная тенденция, когда с ростом "демократической убежденности" падает избирательная активность.

Мотивы электоральной активности

Почти половина респондентов (49,1%) убеждена, что путем участия в выборах граждане Казахстана не могут реально повлиять на дела в стране. Оптимистично воспринимает свои электоральные возможности гораздо меньшее число опрошенных - 40,6% (10,3% затруднились ответить).

Еще более скептическую оценку своему электоральному потенциалу дают респонденты в больших городах. В городах с населением свыше 200 тыс. только 34%, а в городах с населением от 50 до 200 тыс. человек - 37% опрошенных заявили, что граждане могут повлиять на положение дел в стране путем выборов. В рабочих поселках и селах этот показатель заметно выше - соответственно 42% и 49%.

Существенной зависимости сознания своих электоральных возможностей от возраста не прослеживается. Зато влияние этнических факторов здесь очевидно. Видят в выборах возможность повлиять на положение дел в стране 51 % казахов и только 32% русских.

Очень четко вырисовывается зависимость избирательного оптимизма от имущественной самооценки респондентов.

На выборах в Верховный Совет в марте 1994 г. голосовали, по данным опроса, 62,8% респондентов, не голосовали - 35,1%, не дали ответа - 2,1%. Самым низким был процент участвовавших в голосовании в крупных городах (44% - в городах с населением свыше 500 тыс. человек, 54% — в городах с населением свыше 200 тыс.). Наибольшую же электоральную активность проявили жители рабочих поселков (71%) и сел (75%).

Казахи голосовали заметно активнее (70%), чем русские (57%). Среди молодежи до 20 лет опрос зафиксировал крайне низкий уровень электоральной активности (19%), который плавно увеличивается с возрастом; 48% - у 20-29-летних, 69% - у 30-летних, 73% - у 40-летних, 80-83% - у пяти- и шестидесятилетних соответственно.

На референдуме о продлении полномочий Н.А. Назарбаева голосовало 69,3% респондентов, не голосовали 30%, не дали ответа 0,7%. Любопытно, что эти показатели подтвердили социологические прогнозы, дававшиеся перед референдумом, практически, всеми службами изучения общественного мнения в Казахстане, однако, они значительно ниже официальных данных Центризбиркома.

Как и на выборах в Верховный Совет, наименьшую активность проявили жители крупных городов (в городах свыше 500 тыс. человек - 54,1%, от 200 до 500 тыс. - 64% голосовавших), наибольшую - жители рабочих поселков.

Этнические различия в уровне избирательной активности на референдуме прослеживаются примерно в такой же пропорции, как и на выборах в Верховный Совет. Голосовали из числа респондентов-казахов — 76%, респондентов-русских - 64%.

Каковы мотивы участия или неучастия граждан в выборах и референдуме? Что касается выборов в Верховный Совет, то мотивация имеет здесь скорее инерционную природу: 68,2% голосовали, так как считали, что обязаны участвовать в выборах.

Несколько иной выглядит мотивация голосования на апрельском референдуме. В силу гражданского долга здесь голосовали 44,1% респондентов, принявших участие в референдуме. Более же 46% хотели голосованием выразить отношение к президенту. 22,9% заявили, что от их участия в референдуме зависит судьба страны.

Показательно и то, что из числа участников референдума 23,7% считают продление полномочий президента без проведения очередных выборов недемократическим актом. Несмотря на эту точку зрения, они все же пришли к урнам для голосования.

Что касается мотивов неучастия в голосовании (здесь респондентам был задан общий вопрос "Укажите все причины, по которым не голосовали лично Вы хотя бы один раз"), то здесь на первое место выходит неверие в возможность путем выборов повлиять на положение дел в стране (26,8% когда-либо не голосовавших), далее следует ненахождение по месту жительства (17,7%) и убежденность в том, что результаты голосования predeterminedены (16,2%). Тех, кому помешали голосовать,

практически нет. Не голосовали из-за организационно-технических трудностей (не смогли добраться до участка, участок не был открыт) лишь около 4%. Почти 7% не принесли приглашений на выборы. Только 3,6% не голосовали потому, что не нравится ни один из кандидатов. Это еще раз косвенно подтверждает, что избиратели мало интересуются политической позицией конкретных кандидатов. По причине разочарования в руководстве республики не голосовали 10,3%.

Отношение к существующей избирательной системе и электоральная практика

Об избирательной системе респонденты информированы крайне слабо. 47,8% вообще ничего не знают об избирательном законе; 26,1% что-то слышали о нем, 20,6% имеют общее представление. Достаточно хорошо знакомы с избирательным законом лишь 2,5% респондентов. 28% заявили, что избирательная система нуждается в реформировании. Но лишь менее 5% смогли сформулировать какие-то предложения, причем в основном не по существу.

Не приемлет пока казахстанское массовое сознание и профессионального парламента. Только 15,5% опрошенных согласны с тем, чтобы депутаты работали в парламенте с полной занятостью и жили в столице. 73,3% полагают, что депутаты должны быть заняты в парламенте неполностью и лишь часть года.

На вопрос о том, какие структуры должны выдвигать кандидатов в депутаты, больше всего респондентов (85,1%) ответили, что трудовые коллективы. Правда, более 75% согласны с тем, что кандидатов могут выдвигать общественно-политические объединения, более $\frac{2}{3}$ - собрания по месту жительства. А вот с выдвижением депутатов органами местного самоуправления согласны только 50%, местными администрациями - 43,1%, самим президентом - 43%. В то же время большинство респондентов интуитивно не приемлет существующих в республике авторитарных элементов в механизме формирования представительных органов.

Только 6,5% опрошенных одобрили полностью, а 18,2% скорее одобрили предусмотренное новой Конституцией страны назначение президентом депутатов Верховного Совета. $\frac{3}{4}$ респондентов отнеслись к этому отрицательно.

Существующая избирательная система, а также то, что конкуренция кандидатов в выборные органы власти не носит сегодня в Казахстане характера политической борьбы, лишает казахстанского избирателя реальной возможности выразить свою политическую позицию. Это стало важным фактором сформировавшегося у граждан республики электорального сознания. Лишь очень незначительное число участвовавших в голосовании (8,3%) пришли к избирательным урнам специально для того, чтобы поддержать конкретного кандидата или конкретную партию.

На выборах для казахстанцев практически не имеет значения партийная принадлежность кандидатов. Только 18,2% опрошенных скорее поддержали бы партийного кандидата; 60,3% предпочитают независимого.

О партийных предпочтениях избирателей можно говорить лишь весьма условно. На гипотетический вопрос, заданный в ноябрьском опросе Института Гиллера, "Если бы выборы в Казахстане проводились по партийным спискам, за какую бы партию Вы проголосовали?", более 12% ответили, что голосовали бы за коммунистов. Однако при этом они имели в виду, скорее, не партию, а идеологию, а еще скорее - свое воспоминание о прошлом. Действующая в Казахстане Коммунистическая партия мало известна и на последних выборах в Верховный Совет смогла выдвинуть своих кандидатов лишь в 8 округах из 67.

Номенклатурные Партия народного единства Казахстана и Демократическая партия обнаружили чуть более 3% сторонников каждая, хотя на исход выборов это не повлияло, ибо от этих партий большинство кандидатов способны обеспечить себе голоса в силу занимаемой должности и общественного положения. У остальных партий

сторонников оказалось мизерное число. Довольно незначительное число респондентов (от 1% до 5%) сталкивались с различными нарушениями принципов и порядка голосования. В то же время более 25% знают о голосовании по поручению членов семьи, соседей и т.д. Около 13% сами так голосовали. Таким образом, при наличии в Казахстане существенных элементов демократии, электоральное сознание и поведение граждан более характерны для страны с авторитарным режимом.